

Хочу жить — поэтому живу...

Неюбилейная Мариам Асламазян

В ранней юности в документах Мариам Аршаковны Асламазян произошла какая-то путаница, и ее "омолодили" на целый год. Поэтому фактически ей скоро исполняется 95 лет. Юбилей — не юбилей. Впрочем, статья не претендует на юбилейность — она дань огромного уважения и преклонения перед ярким незаурядным талантом народного художника СССР и народного художника Армении Мариам Асламазян, который не подвластен времени и не нуждается в каких-либо юбилейных или иных привязках.

В детстве Мариам Аршаковна мечтала стать врачом и всячески попытала себя к этой профессии. Попутно обучалась в художественной школе в своем родном Ленинкане. Увлекалась живописью. Долгое время находилась на распутье. И когда подслушала мнения своих учителей, что у нее несомненный живописный дар, все сомнения кончились. Живопись стала ее жизнью, ее судьбой. Она поступает в Ереванское художественно-промышленное училище, а в 1928 году поступила в московский Вхутеин. Но вскоре ее оттуда исключают как "социально чуждый элемент" — ее отец когда-то владел мельницей. Хождения по многочисленным чиновничьим кабинетам ничего не дали. "Спасла меня Крупская", — вспоминает Мариам Аршаковна. Какими-то почти нелегальными путями она добилась приема, была внимательно выслушана — и все проблемы сразу же были решены. Ей даже выдали стипендию. Потом, уже в Ленинграде, в Институте пролетарского изобразительного искусства, она окончила аспирантуру.

Среди ее учителей были выдающиеся художники — К. Петров-Водкин, А. Древин, Н. Удальцова, В. Фаворский, С. Герасимов, А. Гончаров... Но они выучили ее основам мастерства, не оказав существенного влияния на формирование стилистики и живописного языка. Источником же ее вдохновения была Армения. "Я люблю свою Армению, — говорила она, — ее природу, ее воздух, ее музыку, ее людей. Меня часто упрекают, что я изображаю Армению слишком красочно. Но я вижу свою страну именно такой — звучной, светоносной, радостной".

Поэтому своим истинным учителем она считает Мартироса Сарьяна, хотя непосредственно у него не училась. "В полотнах Сарьяна, — утверждает Мариам Аршаковна, — было живое чувство красоты мира... Я объездила всю Армению и увидела, что Сарьян очень правдив, что он изображает нашу страну такой яркой, такой красивой. Я вижу ее такой же. Этому я научилась у Сарьяна".

Учиться у Сарьяна ей было легко и естественно, ибо она была рожденным, как говорится, от Бога, живописцем. Жила, мыслила и чувствовала цветом, цветом и в цвете воспринимала мир. Ярким, мощным, темпераментным и всеобъемлющим цветом. Общепринятые живописные каноны ей мешали, она рвалась на простор, чтобы выразить ширь и глубину человеческих чувств, настроений и ощущений, которые ее пе-

реполняли. Переполняли радостью, светозарностью, праздничностью.

Она воспевала красоту и гармонию жизни, почему, быть может, она и не в "моде" в наше смутное, тревожное и переломное время. Но она современна в самом высоком и вневременном смысле. У нее почти нет грустных, драматических сюжетов. Разве только о Великой Отечественной войне она написала скорбное "Письмо с фронта". Но в эти же военные годы создает такие жизне-радостные полотна, как "Возвращение героя", "Песня героя", "Свадьба героя", яркие и сочные цветочные натюрморты.

Но, конечно же, Мариам Асламазян не замыкалась в своем творчестве только на Армении. Она много ездила по Советскому Союзу. Вспомним хотя бы ее роскошные "Русские натюрморты" или "Сказочный хор". Посетила Мариам Асламазян и многие другие страны. Особенно она любит Восток. Рассказывает: "Восток более всего близок моему творчеству. С него началась человеческая цивилизация, человеческая культура. И на Востоке более всего сохранились истинные народные корни, народные традиции и обычаи. Европейские же страны, США меня совершенно не интересуют..."

В Индии, например, Асламазян была много раз. Хорошо была знакома с Индирой Ганди. Индийская тема занимает большое место в ее творчестве. Поэтому из многочисленных своих премий и наград более всего дорожит премией Дж. Неру.

Искусство Мариам Асламазян разнообразно и по темам, и по жанрам. Это композиционно-сложные картины, пейзажи, портреты — особенно любит писать стариков и женщин. "Многих удивляет мое пристрастие к старикам. Но я вижу за этими спокойными лицами, за этими усталыми руками разные судьбы. Я вижу простую и трудную жизнь и большую человеческую мудрость, побеждающую и невзгоды, и разочарования". И еще: "Я много пишу женщин. Я думаю, что все, к чему прикасается женщина, делается возвышенным и привлекательным".

Пишет она городские и сельские виды. Занималась оформлением те-

атральных постановок и цирковых программ. Работала над монументальными росписями — вместе со своей сестрой Ерануи, также известной художницей, украсила павильон Армении на ВДНХ, Музей землеведения в МГУ, ресторан "Ара-рат" в Москве. Серьезно увлеклась керамикой и создала прекрасные произведения, за что получила диплом Художественного фонда СССР.

Но более всего она любит натюрморт. И в этой своей привязанности вновь перекликается с Сарьяном. В натюрморте особенно проявился ее живописный дар — цветоносный размах, глубина восприятия жизни и радости бытия, свежесть палитры, композиционная монументальность.

Всю свою жизнь она отдала живописи. Она долго не выходила замуж и не хотела иметь детей, чтобы они не отвлекали ее от живописи. Лишь в 60 лет соединилась браком с человеком, который добивался этого тридцать лет — с Гургеном Аватесяном, профессором Тимирязевской академии. Счастливо прожила с ним 22 года — ее муж умер в 1984 году. Сильной ее привязанностью была сестра Ерануи (Еран). Одна из лучших ее картин, считаю, "Я и Еран в зеркале". Еран также недавно ушла из жизни.

Я хорошо знаю Мариам Аршаковну. Несколько лет назад как генеральный директор Творческого центра "Овен", созданного, кроме решения иных задач, для оказания благотворительной поддержки старейшим и молодым художникам, решил выступить с идеей организации большой ретроспективной выставки произведений Мариам Асламазян к ее 90-летию юбилею в Государственной Третьяковской галерее, и с искусствоведами центра мы начали готовить материал к показу. Галерея очень заинтересованно отнеслась к предложению, с готовностью откликнулась. Естественно, много было сложностей с осуществлением задуманного: за большую жизнь накопилось многое, достойное быть представленным в уникальной сокровищнице искусств, да и художнику хотелось показать как можно больше. Можно понять мое волнение, когда в моих руках были ее чудные полотна, подчас знакомые мне лишь по репродукциям.

Вверху: "Развалины церкви Артаваздик". 1956 г.
Внизу: "Я и Еран в зеркале". 1939 г.

Удалось отобрать лучшее, этому в немалой степени помогла и умудренность мастера, прекрасно понимающего, что качество не зависит от количества. Таким образом, многогранность творчества была явлена во всей красе.

Каждое утро в 8 часов она встает с улыбкой, приветствуя новый день. Делает зарядку, упражнения по системе йог, завтракает и садится за мольберт, пишет до 4 дня. Сейчас пишет только натюрморты — такие же яркие, красочные и броские. Изображает цветы, фрукты, керамические вещи, старинные женские серебряные украшения — золота, кстати, она никогда не любила. И рука по-прежнему остается твердой, и глаз острым, и чувство цвета тонким. Хотя, конечно, работать ей очень трудно — она плохо слышит. Да здесь еще упала, повредила себе бедро, долго болела, теперь передвигается по квартире с помощью специального приспособления. Но по-прежнему бодрa и на возраст не жалуется. Любит повторять: "Я потому так долго живу, что хочу жить!.."

Александр МИЧРИ